

О ТРУДЕ И СВОБОДЕ

Современность остро поставила две проблемы: осуществления свободы и организации труда.

Лозунги не новы на первый взгляд. Ведь «демократизм» процветает почти во всех передовых странах. Казалось бы живи да наслаждайся «демократической свободой». Однако сами «демократы» (пишу в кавычках — ибо «псевдо») принуждены искать новых форм, т. к. уж больно жестокой и голодной оказалась их свобода для человечества. Все теории, литература, революции и моря крови — все усилия, потраченные для торжества «демократической свободы» дали весьма слабые результаты. Гора родила мышь. Всего то и получило человечество: право раз в несколько лет подавать свой голос за один из списков профессиональных политиков. Для истории политической группы успех или провал на выборах является крупным событием, но для рядового обывателя или рабочего все эти вотумы не приносят никаких перемен. Он их и не замечает. В подавляющем большинстве граждане демократических стран смеются над своими выборными и мысленно посылают их к черту.

И все же этот опошленный демократический лозунг свободы притягивает, ибо при всем его искажении — основа его живет надеждой.

Всяческое поощрение и культивирование жадности наживы явилось главной причиной переживаемого кризиса. В Америке каждый рабочий считал своим самым священным долгом откладывать хотя бы десять процентов заработка. В результате рядом с сверхприбылью предпринимателя существовала и сверхприбыль рабочего. Обе сверхприбыли значительно по-

вышали рыночную ценность продукта. Эти сверхприбыли капитализировались и собственники их, в лафосе жажды скорого и легкого обогащения, обращали деньги в акции. Биржа в послевоенный период сильно демократизировалась. Подавляющее большинство американцев было втянуто в биржевую игру. Неоднократно Америка (до последних кризисов) сравнивалась с огромным игорным домом. Психология игрока захватила массы. Как бы ни старались экономисты объяснить причины мирового кризиса, интересно проследить хронологию событий. Кризис начался в октябре 1929 года, когда группа банкиров Уолл Стрита начала свою роковую игру на понижение. И во все не падение цен на товары вызвало падение бумаг на бирже, а как раз наоборот. Для этого достаточно проследить движение соответствующих цифр. Нет никакого сомнения, что ответственность за экономический кризис падает на азарт банкиров и их жажду наживы.

Печально сознание, что урок проходит бесследно. Все буржуа и рабочие ждут лишь возможность начать сызнова биржевую спекуляцию.

В наиболее пострадавшей от кризиса Германии особенно интересен сейчас взгляд многих спецов инженеров. Они считают, что, при максимальных уступках, все же капитализм осужден исчезнуть в ближайшие десять-двадцать лет. Спасение от хаоса представляется в переустройстве хозяйства на советский лад. Разница в том, что наша революция, пришедшая снизу — стихийно вызвала моря крови, тогда как в Германии есть надежда, что революцию возглавит среда спецов-инженеров, убедившихся, что им невозможно работать в рабстве у финансового капитала. Мерещится идея нового специфически военного государства, где солдатами явятся рабочие, а офицерами — инженеры. В то время, как военная каста являлась ничтожной численно в отношении всего населения — в инженерном государстве солдатами явится все трудоспособное население. Эта инженерно-офицерская среда неизбежно воспримет и бескорыстность, преданность идее, а не карману, жертвенность во имя общего дела, а не личной наживы, крепкую дисципли-

ну, — свойственные военной среде. В будущих войнах более сильные в промышленном отношении страны явятся победителями. Следовательно и функция государственной обороны переходит от регулярной армии к заводам. Собственно-же армия обращается все больше в организацию внутреннего полицейского характера.

Можно утверждать следующие пути к разрешению мирового кризиса: **освобождение труда от необходимости накопления капитала**, каковая обязанность всецело переходит к государству.

Подобная реформа бесспорно сдвинет процесс с мертвой точки. Здесь кроется истинное разрешение проблемы свободы. С уничтожением способов накопления и эксплуатации, человечество освободится от столь заразительного и тлетворного пафоса наживы.

Есть какое-то неразрешимое противоречие в самом факте «сбережения» трудящимся. Ведь оплата за труд подразумевает известную сумму денег, нужную для удовлетворения потребностей рабочего. Рабочий — потребитель, и чем больше он потребляет, тем больше развивается промышленность, тем больше дешевеют товары. Наоборот, чем больше рабочий сжимается, как мы это видим теперь, тем острее становится кризис. Столь рекомендуемая буржуазная мораль: отказывать себе во всем и откладывать — абсурдна. Если бы все рабочие перешли на хлеб и воду — мировое хозяйство умерло-бы. Ложь же заключается в том, что рабочий, в сущности, не имеет права сберегать и откладывать. Ведь каждый раз, когда он просит прибавки оплаты, он объясняет, что ему не хватает на жизнь. Желательно было-бы посмотреть на лицо предпринимателя, которому служащие заявили-бы, что им хватает жалования на жизнь, но не хватает на «откладывание».

Мы, эмигранты, должны отдать себе отчет в том исключительном положении, в котором мы теперь находимся. Если можно говорить о полной объективности мышления, то такое доступно только нам.

Лишенные государства и находясь в положении париев в чужих странах, мы можем легче «граждан» понимать самую идею государства. Эта идея до сих пор имела столько определений, что правильнее сказать: точного определения нет, а имеется известная эмоция, подверженная разным изменениям в различные эпохи. Подданство лицу, монарху — когда-то превенствовало, затем сменилось подданством нации, языку, территории. Теперь, пожалуй, оформляется в сознании понятие государства, как некоторой эклектической системы, некоторого единого хозяйства, ограниченного территорией. Понятия нации, языка, религии даже, стали второстепенными. **Что впереди? Поддактво идее? Хочется верить, что таковы будут наши пути.** В эмиграции мы лишены гражданства и, надо полагать, меньше всего страдаем от отсутствия возможности голосовать за каких-нибудь профессионалов политиков. Иными словами демократическая свобода нам менее всего нужна. У нас за то имеется некоторое преимущество перед гражданами стран, где мы живем. Мы не сливаемся с бытом (вернее очень мало еще). Мы действительно свободны в быту и многое, что граждане не прощают «своим», они легко прощают нам. Наши нравы стали много терпимее и нравственнее дореволюционных. Как бы мы не желали смены власти в России, мы ни за что не откажемся от дарованной нам революционной свободы быта. Легкость разводов значительно очистила семейные отношения. Можно утверждать, что корыстные мотивы совершенно отсутствуют при заключении браков среди беженцев. Свобода брака от денег. То, что почти неизвестно буржуазному миру.

Беженцы в значительном большинстве отталкиваются от всего буржуазного. Чем это объяснить? Ошибочно было бы утверждать, что здесь кроется зависть. Неужели кто-нибудь из нас завидует типичным буржуа-лавочникам, которые всю жизнь буквально не жили, а только «откладывали» и на старость лет «накопили» капитал, который им уже никакого удовлетворения дать не может? Нет, нас отталкивает от буржуа именно его пафос наживы, его алчность и себялюбие. Без пре-

увеличения можно сказать, что, вынеся за скобки нашу тоску по родине и утрате близких, мы были бы вполне счастливы и ничего от жизни не желали бы, как только обеспеченную работу, которая давала бы нам возможность вести самый скромный образ жизни, без роскоши и без нужды в самом насущном. И вовсе не смешно, что мы считаем опустившимися тех из нас, кто проявляет признаки буржуазности и начинает «накапливать». Коль скоро человек переходит на сберегательную книжку, он становится жадным, равнодушным и бессердечным. Пролетариат эмиграции добрее и отзывчивее буржуазии и капиталистов той-же эмиграции. Вот почему мы вправе утверждать, что «право собирать капитал» зло, ибо знаем это не теоретично, а на собственном опыте.

Мы не только боимся так называемой «свободы труда», которая привела к безработице, но, наоборот, мечтаем прикрепиться к труду и без всякой гордости можем сказать, что труда не боимся и ни от какой работы не отказываемся. Мы и тут свободны от диктатуры «демократов», которые (что характерно для всех стран) проводят строгую градацию профессий и оплат, — и полны снобизма ко всякому нижестоящему на социальной лестнице, распластываясь в то же время перед каждым вышестоящим.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть свой подход к современному СССР. На примере может быть будет яснее.

В Москве разрушили Храм Христа Спасителя и на его месте строят Дом Советов. При всем сожалении о гибели великого русского памятника, к тому же гибели никчемной, ибо можно было найти и лучшее место для Дома Советов и похуже постройку для сноса, я все же не вижу в этом никакого ущерба самой идее Церкви. Что-же касается Дома Советов, то, как бы его ни построили, задача сведется вовсе не к его уничтожению в дальнейшем, для восстановления нового Храма Христа Спасителя, а к приведению этого нового дома-храма в христианский вид, к обращению его на служение Христовой правде.

Иван Степанов.